

**ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ
ВОЛОГОДСКИХ ФАМИЛИЙ
(К вопросу о методах анализа
и классификации русских фамилий)**

Проблема методов исследования фамилий по существу была поставлена лишь к 80-м годам XX столетия (Никонов 1980: 134). До сих пор методика изучения и анализа фамилий не лишена серьезных недостатков. Один из самых серьезных недостатков заключается в том, что во многих случаях научное этимологическое исследование фамилий подменяется механическим их распределением в различные лексические группы по значению основы.

Большую научную ценность представляют классификации фамилий, содержащиеся в работах С. Роспонда, В.А. Никонова, Б.О. Унбегауна. Главное достоинство данных типологий фамилий в том, что в них намечено разграничение генетического и структурного принципов.

Другой аспект классификации фамилий – формальный. По способу именного словообразования разграничивают фамилии, возникшие *лексико-семантическим* путем, и фамилии, возникшие *морфологическим* путем. Считается, что основная группа русских фамилий создана лексико-семантическим способом: превращением в фамилии патронимических и матронимических образований. Морфологический способ создания фамилий заключается в том, что к полному имени, прозвищу или омонимичной им форме другой фамилии присоединяется фамилиеобразующий суффикс.

В работах ученых последних лет классификации фамилий также базируются на каких-либо перечисленных выше принципах. В большинстве случаев памятники письменности не дают возможность проследить распространение фамильного прозвания последовательно на три поколения одной семьи, поэтому мы можем только составить более или менее полное представление о том, из чего и как формировались фамилии.

Рассмотрим основные группы фамильных прозваний, отмеченных в вологодских деловых документах конца XVI–XVII вв.

С точки зрения происхождения выделяются три группы антропонимов, послуживших источником формирования наследуемых именованных: фамильные прозвища, фамильные прозвания патронимического типа и фамильные прозвания непатронимического типа.

Фамильным прозвищем называется некалендарный антропоним, выполняющий «идентификационную функцию (родовое прозвище), не

оформленный формантами «принадлежности» к семье, роду ...» (Медведева: 14). Семейные прозвища были мотивированы индивидуальными прозвищами. Более всего антропонимов, которые могли являться семейными прозвищами, отмечено в именовании посадских людей (40 % от всего состава зафиксированных семейных прозвищ и прозваний в данной социальной группе). Например: Ивашко Григорьев с. *Солонос*, бобыль (ПКВ 1629: 107); Дружинка Григорьев с. *Солонос*, бобыль (ПКВ 1629: 105).

Многие антропонимы, занимающие последнюю позицию в моделях именования крестьян, в документах XVII в. тоже могли быть уже семейными прозвищами (27 %): Пятунка Федоровъ прозвище *Бораклысть* (ПОВу 1630, № 2: 99); Жданко Осиповъ с. *Заики* (ПКВ 1629: 55); Ларка Власевъ с. *Коноваль* (ПОВу 1630, № 2: 88).

О том, что некоторые индивидуальные прозвища в XVII в. выполняли функцию семейных прозвищ, свидетельствует наличие семейных прозваний, имеющих один корень с прозвищами: Богдашка *Привал* (ДКВ 1616–1617: 347); Богдашко Степановъ с. *Привалов* (ПКВ 1629: 161). Е.Н. Полякова считает причиной подобного употребления одного семейного именования то с суффиксом фамилии, то без него иные, чем в XIX–XX вв., связи фамилий и прозвищ: «не фамилии шли из официального языка в живую речь и давали прозвища, а, напротив, прозвища были принадлежностью не только живой речи, но пока еще и официального делового языка» (Полякова: 32).

Семейные прозвания патронимического типа мотивировались патронимами, которые в свою очередь могли быть мотивированы как календарными, так и некалендарными личными именами.

В науке продолжается дискуссия о том, почему в русской антропонимической системе преобладают фамилии с некалендарными именами в основе. Некоторые ученые говорят о стремлении языка избегать омонимии. Г.Я. Сими́на считает, что «фамилии, образованные от христианских имен, явление, очевидно, более позднее: в писцовых книгах XVII в. подобных родовых прозваний еще не отмечено» (Сими́на: 113). И.М. Ганжина также придерживается мнения о более позднем происхождении фамилий, содержащих в своей основе имена календарные. Они появляются в тот период, когда фамилии начинают получать и крестьяне. В XVII–XVIII вв. для крестьян нормой была модель именования «личное имя + отчество от календарного имени», именно это отчество и становится фамилией «в дальнейшей истории развития этого вида антропонимов, т.к. формально соответствовало уже сложившейся в среде дворян модели семейных прозваний» (Ганжина: 194).

Более всего семейных прозваний с календарными именами в основе зафиксировано у представителей служилого сословия (12 % от всех фа-

мильных прозваний людей данной социальной группы). Например: Игнатий Михайловъ с. *Ефремовъ*, с. боярский (ПКВ 1629: 93); Иван Кирилов с. *Захаровъ* (КПВ 1678: 36) и др.

В именовании крестьян (6 %) и посадских людей (3 %) фамильные прозвания с календарными именами в основе занимают незначительное место. Так, третий компонент модели именовании четырех братьев, являющихся монастырскими «детенышами» Спасо-Прилуцкого монастыря, можно с большой долей вероятности считать фамильным прозвищем – Проковей Семенов с. *Кипреянов* (Поруч., 1594, ОСВ, вып. 6, 15); Ондрий Семенов с. *Кипреянов* (Поруч., 1594, ОСВ, вып. 6, 15); Григорей, прозвище Немир Семенов с. *Кипреянов* (Поруч., 1594, ОСВ, вып. 6, 15); Иван, прозвище Нехорошей Семенов с. *Кипреянов* (Поруч., 1594, ОСВ, вып. 6, 15).

Самый большой удельный вес во всех социальных слоях населения имеют фамильные прозвания, восходящие к патронимам, образованным от прозвищных некалендарных личных имен.

Среди фамильных прозваний служилых людей их доля равна 75 %. Ср.: Иоаким Иванов с. *Трусов* (Дан., 1558, САСК (К), № 171); Володимер Иванов с. *Трусовъ*, помещик (КПВу III 1678: 90); Ларивонь Федоровъ с. *Долгово*, помещик (Челоб., 1625, С-1, № 2, 17); Григорей Денисьевъ с. *Мизгиревъ*, помещик (ПМКВу 1686: 29 об.); Афонасей Денисьевъ с. *Мизгиревъ*, помещик (ПМКВу 1686: 1) и др.

Фамильные прозвания крестьян (62 %) и посадских людей (53 %) более чем наполовину представлены антропонимами, образованными от патронимов с прозвищными именами в основе: Иванко *Зыков* (КПВу 1589: 161) и Сенка Ивановъ прозвище *Зыковъ* (ПОВу 1630, № 2: 207); Ивашко *Кутинъ* (ПОВу 1630, № 2: 77) и Ивашко Павловъ с. *Кутинъ* (ПОВу 1630, № 2: 77); Сенка *Армяниновъ*, прядильщикъ (ПКВ 1629: 181) и Омелька Семеновъ с. *Армяниновъ* (КПВ 1678: 238); Селиванко Кондратьевъ с. *Горбуновъ* (КПВ 1678: 105) и Еремка Кондратьевъ с. *Горбуновъ* (КПВ 1678: 231).

В вологодских официально-деловых документах конца XVI–XVII вв. отмечены фамильные прозвания непатронимического типа, которые были мотивированы либо топонимами, либо другими фамильными прозвищами и прозваниями патронимического типа.

Фамильные прозвания оттопонимического происхождения составляют незначительную группу в составе фамильных прозваний всех слоев населения. Более всего их содержится в именовании служилых людей (5 %): князь Иван князь Петровъ с. *Ухтомский* (КПВу III, 1678: 205 об.) < река *Ухтома*; Федоръ *Кудриновъ*, помещик (ПОВу 1630, № 1: 208); Григорей *Кудриньской* (ДКВ 1616–1617: 369) < село *Кудрино*.

Для русских феодальных фамилий XV–XVI вв. характерно их разветвление. Почти каждая крупная боярская, княжеская или дворянская фамилия с течением времени распадалась на ряд новых. Одни князья получали прозвания с формантом *-ский* по своим владениям, другие – с формантами *-ов / -ев*; *-ин / -ын* по именам (главным образом некалендарным) отцов и дедов (Леонтьева: 248). Фамилий последнего типа возникало гораздо больше. Многие князья постепенно переходили на московскую службу, их вотчины в родовых гнездах не сохраняли черт удельных владений, и от их названий почти не образовывались фамилии. Иначе было дело у князей Белозерских: вплоть до первой половины XVI в. они сохраняли под общим сюзеренитетом власть над своим княжеством. Их вотчины возникли в результате дробления на части старинного белозерского княжеского домена, поэтому при разделах они и получали прозвания по своим вотчинам: *Ухтомские, Белосельские, Вадбольские* и т.п. (Леонтьева: 248).

У представителей других сословий оттопонимические фамильные прозвания встречаются редко (посадские люди – 1%, крестьяне – 1%): Вахрамейка *Пудесково* (ПКВ 1629: 40) < река *Пудега*; Фадейко Малафеев с. *Филинский*, работник в монастыре (КПВу I, 1678:372) < деревня *Филино*; Ивашко Ивановъ с. *Пошехоновъ*, дворникъ (КПВ 1678: 7) < местность *Пошехонье*; Никифор Якимов с. *Чарондин*, стрелец (Каб., 1661, САСК(С), №54, 111) < село *Чаронда*; Сенка Ивановъ с. *Можайсковъ* (КПВ 1678: 112) < город *Можайск* и др.

По способу словообразования фамильные прозвания XVII в. разграничиваются на антропонимы, возникшие лексико-семантическим путем, и антропонимы, возникшие аффиксальным путем.

Лексико-семантический способ словообразования характерен для всех фамильных прозваний патронимического типа. Суффиксы, выделяемые в составе фамильных прозваний, являются словообразующими в составе патронимов.

Абсолютное большинство в кругу всех отмеченных фамильных прозваний в вологодских официально-деловых документах конца XVI–XVII вв. составляют прозвания на *-ов / -ев*, *-ин / -ын*. Именно эти суффиксы обладают наибольшей активностью в процессе словообразования отчеств.

Например: Гаврилко Исаковъ с. *Алачугин*, кожевникъ (ПКВ 1629:178); Василий Григорьевъ с. *Семеновъ*, думный дьякъ (КПВу II, 1678: 220); Мишка Ерофеевъ с. *Темного*, работник в монастыре (КПВу I, 1678: 396); Сергей Александровъ с. *Хитрово*, стольникъ (КПВу III, 1678: 301).

Фамильные прозвания непатронимического типа, образованные аффиксальным путем от фамильных прозвищ и прозваний патронимического типа, отмечены в единичных случаях в именовании лиц различных сословий. К ним относятся фамильные прозвания на *-их*, *-ых*, которые

указывают на принадлежность индивида к определенной группе людей, составляющих конкретную семью, род: *Сухих* < Сухой, ср. Гаврилко *Сухихъ* (ПКВ 1629: 111); *Белоногих* < Белоногой, ср. Евтюшка Михайловъ с. *Белоногихъ* (КПВ 1678: 214); *Кореневых* < Коренев, ср. крестьяне Демка *Кореневых* (Челоб., 1630, С-1, № 22: 38), Панка *Кореневых* (Челоб., 1630, С-1, № 24: 383), Первушка *Кореневыхъ* (Челоб., 1630, С-1, № XXIV: 313), Тренка *Кореневыхъ* (Челоб., 1630, С-1, № XXIV: 383); *Поповых* < Попов, ср. Лучка Иванов с. *Поповых*, церковный дьячек (Челоб., 1697, ОСВ, вып. 5: 77).

Суффиксы *-ск(ий) / -ск(ой)* участвуют в образовании фамильных прозваний от топонимов: *Белавинской* < Белавино, ср. Тимофей Игнатъевъ с. *Белавинской* (КПВ 1678: 226); *Мосальский* < Мосальск, ср. князь Андрей князь Михайловъ с. Кольцовъ *Мосальский* (КПВу II, 1678: 274).

В отношении некоторых фамильных прозваний сложно однозначно установить мотивирующую базу: возможно, следующие фамильные прозвания образованы суффиксальным способом от патронимических фамильных прозваний: Яковъ Остафьевъ с. *Тухачевский*, помещикъ (Росп. вол. пом. дач, С-1, № 1, 3) < *Тухачев*; Яков Ивановъ с. *Побединский*, помещик (КПВу, II, 1678: 152 об.) < *Победин*; Фомка Григорьев с. *Крутовский*, монастырский детеныш (КПВу, I, 1678: 371) < *Крутов*.

Отмечен также формант *-ов*, который является фамилиеобразующим суффиксом в некоторых прозваниях, восходящих к топонимам: Ивашко Ивановъ с. *Пошехоновъ*, дворникъ (КПВ 1678: 7) < город Пошехонье; Сенка Ивановъ с. *Можайковъ* (КПВ 1678: 112) < город Можайск и т. п.

Антропоформанты *-ов / -ев; -ин / -ын* являются общерусскими в составе отчеств и фамильных прозваний; *-ово (-ого); -ых; -ск(ий)* – локальными, их больше в антропонимической системе севернорусских территорий, чем в центральных и южных губерниях (Палагина: 91). При этом фамильные прозвания с суффиксами *-ых* и *-ск(ий)* имеют большее распространение в тех уездах Вологодской губернии, где крестьяне в основном государственные, и напротив, низкая частотность форманта *-ск(ий)* отмечается в фамилиях крестьян помещичьих уездов (Никонов 1984: 123).

В вологодских памятниках официально-деловой письменности конца XVI–XVII вв. встречаются фамильные прозвища и прозвания, имеющие «составные основы» (Никонов: 1974, 213), или т.н. «сложные фамилии» (Щетинин: 179). Ср.: Гришка *СласноЪжка*, стрѣлец (ПКВ 1629: 101); Якушко *Сухорук*, бобыль (ПКВ 1629: 128); Васка *Сухоруков* (ДКВ 1616–1617, 353); Авдонасий Семенов с. *Пустобояров*, помещик (КПВу VIII, 1678: 364) и др.

Однако в данном случае речь не идет о сложно-суффиксальном способе образования фамильных прозваний. Большинство подобных про-

звущ и прозваний образовано суффиксальным способом от антропонимов, имеющих сложную основу, или же вообще возникло путем семантической деривации: *Сухорук* (фамильное прозвище) < *Сухорук* (индивидуальное прозвище); *Пустобояров* (фамильное прозвание патронимического типа) < *Пустобояров* (патроним).

Лишь в отношении единичных случаев можно говорить о сложно-суффиксальном способе образования фамильных прозваний, ср.: «за Семеновъ Федоровымъ сыномъ *Суховакобылина* в поместье ...» (ПМКВу 1686: 596), «Межа поместной земли Семена Федорова сына *сухово Кобылина*» (ПМКВу 1686: 607) – вероятно, именуемый является потомком человека, носившего прозвища *Сухой* и *Кобыла*.

Фамильные прозвания XVII века являются непосредственным источником современных фамилий. Отчества и фамильные прозвания сформировались на базе соответственно первого и второго компонентов сложного патронима и изначально обладали сходным морфемным составом. Одни и те же форманты со значением принадлежности вычленяются как в составе отчеств, так и в составе фамильных прозваний. В связи с этим многие исследователи говорят о проблеме разграничения отчеств и фамильных прозваний: «В большинстве случаев омонимичность форм отчеств и фамильных прозваний неразличима в XVII–XVIII вв. ... О разграничении фамильных прозваний и отчеств можно говорить только применительно к трехчленным именованьям» (Зинин: 299–301). Ср.: Ивашко *Мичурин* (ПКВ 1629: 111) и Тренка Иванов с. *Мичурин* (ПКВ 1629: 158); Ивашко *Неклюдовъ* (ПКВ 1629: 53) и Ивашко Микитин с. *Неклюдов* (ПКВ 1629: 29); Сидорок Микитин с. *Неклюдов* (ПКВ 1629: 29).

Основной источник формирования вологодских фамилий, как и фамилий других регионов Русского государства, – некалендарные прозвищные личные имена. Фамильные прозвания, образованные от второго компонента сложного патронима, содержащего в своей основе прозвищный антропоним, обладали наибольшей различительной способностью, которая как раз и соответствовала основной функции фамилий – наиболее точной идентификации лица. Фамильные прозвания, восходящие к патронимам, образованным от календарных личных имен, являются более поздними образованиями по времени своего возникновения, и создавались они уже по модели существующих фамильных прозваний.

Литература

Ганжина И.М. О месте христианских имен в системе именованья лица периода становления официальной антропонимической нормы // Проблемы современной филологии. – Тверь, 1999. – С. 190–194.

Зинин С.И. Русская антропонимия XVII–XVIII всков (на материале переписных книг городов). / дис. канд. филол. наук. – Ташкент, 1969.

Леонтьева Г.А. Ключи к тайнам Клию / Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. – М., 1994.

Медведева Н.В. Антропонимия Прикамья первой половины XVII века в динамическом аспекте (на материале переписных документов по вотчинам Строгановых) / автореф. дис. канд. филол. наук. – Пермь, 1999.

Никонов В.А. Имя и общество. – М., 1974.

Никонов В.А. Северные фамилии. // Этимология 1978. – М., 1980.

Никонов В.А. Вологодские фамилии. // Эволюция лексической системы североурских говоров. – Вологда, 1984. – С. 121–127.

Палагина В.В. К вопросу о локальности русских антропонимов конца XVI – XVII вв. // Вопросы русского языка и его говоров. – Томск, 1968. – С. 83–92.

Полякова Е.Н. О связях фамилий и имен нарицательных в XVII веке (по материалам деловой письменности Прикамья) // Вопросы ономастики. – Свердловск. – 1979. – № 13. – С. 29–37.

Симина Г.Я. Из истории русских фамилий. Пинежские фамилии. // Этнография имен. – М., 1971. – С. 111–115.

Щетинин Л.М. Русские имена (очерки по донской антропонимике). – Ростов, 1975.

Источники

ДКВ – Дозорная книга Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего А. Софонова. 1616–1617 г. (Публикация Ю.С. Васильева) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. – Вып. I. – Вологда: Русь, 1994.

КПВ – Книга переписная г. Вологды 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14741.

КПВу – Книга переписная Вологодского уезда 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина Заозерские половины поместные. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14733 (Кн. I), 14740 (кн. VIII), 14734 (кн. II), 14735 (кн. III).

КПВу 1589 – Переписная дозорная книга дворянских земель Вологодского уезда 1589 – 1590 гг. (Подготовлена к печати Н.И. Федышиным) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы. – Вып. II, – Вологда, 1972.

ОСВ – Описание свитков Вологодского Епархиального Древнехранилища. – Вып. I – XVIII. – Вологда, 1899 – 1917.

ПКВ – Список с писцовой книги г. Вологды 1629 года // Источники по истории Вологды. – Вып. I. – Вологда, 1904.

ПМКВу – Писцовая и межевая книга князя Осипа Федоровича Борятинского 1686 года. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. К 14743, л. 1 – 259.

ИОВу – Писцовое описание Вологодского уезда 1630 года // Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. – Вып. II. – Петроградъ, 1918.

С-1 – Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. – Вып. I, – С-Петербург, 1906.

САКС(К) – Колычев А.А. Сборник актов Северного края XVII в. – Вологда, 1927.

САСК(С) – Суворов Н. Сборник актов Северного края XVII в. – Вологда, 1925.